

ТЕОРИЯ, СТРАТЕГИИ

Научное мнение. 2025. № 10. С. 11–22.

Nauchnoe mnenie. 2025. № 10. P. 11–22.

Научная статья

УДК 159.9; 94

DOI: https://doi.org/10.25807/22224378_2025_10_11

ПСИХОЛОГО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ЭПОХУ ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА III

Анастасия Всеволодовна Никольская¹, Артем Андреевич Костригин²

^{1, 2} Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва, Россия

¹ tonokazutoya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8821-5177>

² artdzen@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5454-7357>

Аннотация. В статье проводится психолого-исторический анализ массового сознания и поведения российского общества в эпоху правления Александра III. Рассматриваются ключевые события этого исторического периода. Определяются когнитивные, потребностные и эмоциональные компоненты массового сознания, а также поведенческая активность российского общества. Показывается, что наибольшее воздействие на массовое поведение оказывали потребностная и когнитивная сферы массового сознания, обусловливая экономическую и общественно-политическую активность.

Ключевые слова: историческая психология, история России, Александр III, массовое сознание, массовое поведение, российское общество

Original article

PSYCHOLOGICAL AND HISTORICAL ANALYSIS OF MASS CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN SOCIETY DURING THE REIGN OF ALEXANDER III

Anastasiya V. Nikolskaya¹, Artem A. Kostrigin²

^{1, 2} Kosygin State University of Russia (Technology. Design. Art), Moscow, Russia

¹ tonokazutoya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8821-5177>

² artdzen@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5454-7357>

Abstract. The article provides a psychological and historical analysis of mass consciousness and behaviour of Russian society during the reign of Alexander III. The key events of this historical period are considered. The cognitive, need-related and emotional components of mass consciousness, as well as the behavioural activity of Russian society are determined. It is shown that the greatest impact on mass behaviour was exerted by the need-related and cognitive spheres of mass consciousness, determining economic and social-political activity.

Keywords: historical psychology, history of Russia, Alexander III, mass consciousness, mass behaviour, Russian society

Введение

Изучение *массового сознания и поведения* является актуальным направлением исследований в современных общественных науках, в частности в области психологии [1]. В связи с социальными, политическими и экономическими изменениями в мире специалисты обращаются не только к текущим психологическим характеристикам больших социальных групп, но и к их проявлениям в различные *исторические эпохи* — дореволюционную, советскую и постсоветскую [2; 3], а также к социальным представлениям людей о выдающихся персоналиях и событиях [4; 5]. Психологический анализ исторических феноменов позволяет выделять устойчивые компоненты в массовом сознании и поведении российского общества конкретного периода и сравнивать их с таковыми других исторических эпох. Кроме того, на примере исторических групп и общества могут быть апробированы концепции различных социально-психологических явлений — собственно сознания, эмоциональных состояний, мотивационных образований, коммуникативных паттернов, идентичности, ценностей и др.

В серии наших прошлых работ такой *психологический анализ* проводился в отношении массового сознания российского общества в эпоху правления Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Екатерины II, Александра II и др. [6; 7]. В данной статье будут рассматриваться социально-психологические характеристики российского общества в *период правления Александра III*.

Методология исследования

Цель данного исследования — *психологический анализ* массового сознания российского общества в эпоху правления Александра III (1881–1894 гг.). Под психоло-

го-историческим анализом в данной работе понимается объединение в исследовательской программе рассмотрения исторического контекста развития общества и больших социальных групп в России и изучения их психологических характеристик на основе ряда психологических концепций. Данное исследование опиралось на принципы обще-психологического, социально-исторического, интеллектуально-исторического и психолого-исторического анализа, к которым относятся следующие положения:

- *модель функциональной системы психики* (Н. И. Чуприкова), которая включает в себя несколько компонентов: когнитивный (отражает предметную действительность, выражается в социальных представлениях индивида), потребностный (характеризует направленность человека и содержание его потребностей, мотивации, ценностей), эмоциональный (сигнализирует о значении проходящих внешних событий и внутренних переживаний), коммуникативный (осуществляет обмен содержанием когнитивного отражения с окружающим миром), интеграционно-волевой (обеспечивает процессы принятия решений, выработки целей и реализации поведения) [8]. Эти психические составляющие могут быть перенесены на общество в целом и обладать массовыми характеристиками, а также обнаруживаться у исторических личностей и групп;
- *концепция социального конструционизма* (П. Бергер, Т. Лукман) [9], согласно которой человек создает (конструирует) собственную социальную реальность и в ней осуществляет свое поведение и взаимодействие с другими людьми. Социальные конструкты и представления могут быть также обнаружены у больших социальных групп

и изучаться в различные исторические периоды;

- *коммуникативный подход* (Дж. Гербнера) [10], согласно которому человек формирует свое поведение на основе социальных представлений и в ответ на различные общественные события, а также реализует свою активность в форме передачи сообщений по различным каналам коммуникации;

- *психолого-исторический и интеллектуально-исторический подходы* к массовому сознанию заключаются в изучении психологических характеристик массового сознания общества через различные исторические источники и продукты деятельности личности и группы, а также в применении к этим источникам современных психологических концепций и выявлении на их основе содержательных признаков активности исторических личностей и групп [11; 12].

Таким образом, массовое сознание российского общества будет рассматриваться как совокупность когнитивных, потребностных и эмоциональных компонентов, носителем которых являются большие социальные группы, а следствием переживания в сознании различного содержания является массовое поведение, которое выражается в коммуникативной (часто политической) деятельности по отношению к другим социальным группам.

Изучение массового сознания российского общества в эпоху правления Александра III осуществлялось на основе анализа следующих источников: исторических (опубликованных писем и воспоминаний) и историографических (советских и современных) работ по истории России.

Результаты исследования

Исторический контекст массового сознания российского общества в эпоху правления Александра III

После убийства Александра II новое правительство стало ориентироваться на обеспечение государственной стабильности, достижение которой виделось через организацию полицейских институтов для борьбы с общественным недовольством и революционными движениями, а также усиление межсословных барьеров для пресечения социальных

сдвигов и избегания внешних конфликтов, которые могут влиять на внутреннюю стабильность. Наконец, государство поставило задачу развития экономики. Такая противоположно направленная по отношению к прошлому историческому периоду политика Александра III в литературе обозначается *контрреформами*.

В августе 1881 г. вышло «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» [13]. Документ давал органам внутренних дел почти неограниченную власть. Местная администрация получила право арестовывать, высылать, налагать денежные штрафы по своему усмотрению, а также закрывать любые предприятия, временно приостанавливать работу средств массовой информации и учебных заведений, а также передавать гражданские дела в военный суд. Полиция контролировала место проживания и род занятий, могла запрещать публичные мероприятия, перлюстрировать почту и следить за книжным и театральным репертуаром. Вместо правового государства, регулируемого одинаковыми для всех законами, был введен полицейский режим, контролировавший многие аспекты жизни подданных.

Опору правительство вновь видело в дворянах, следовательно, стремилось к укреплению их положения. Ставились задачи отмены земского и городского самоуправления, замены выборных должностей назначенцами из столицы, передачи функций городских судов учреждениям, подчиненным административной власти. Согласно «Положению о земских участковых начальниках» от 1889 г., руководителями назначались только потомственные дворяне, которые могли отменять решения сельских сходов, разгонять их, арестовывать крестьянских старост [14]. В 1890 г. было принято «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» [15], согласно которому для дворян вводились дополнительные привилегии, а для крестьян — ограничения. Выборных крестьян утверждала администрация, а любое принятное земством решение необходимо было согласовывать с губернатором.

В 1892 г. вышло «Городовое положение», резко сокращавшее число голосующих в связи с лишением малоимущих избирательного права. При этом имущественный ценз для дворян понижался. Городские думы и управы утверждались администрацией, на которую возлагались полномочия по отмене любого постановления думы, если оно будет сочтено нецелесообразным для государства [16]. Принимались меры, направленные на укрепление патриархального строя на селе, в частности усложнение земельных переделов и семейных разделов, что затрудняло выход из общины. Принятые меры затрудняли хозяйственную инициативу и мешали выпускаться из нищеты, что усиливало социальное напряжение [17, с. 437–440].

Правительство было направлено на укрепление народности и торможение распада патриархальных крестьянских семей. К. П. Победоносцев писал императору, что крестьянство составляет 90% населения, поэтому необходимо установить в деревне порядок, поскольку крестьянские власти сами на это не способны [18]. Сельское управление было лишено авторитета, так как не было связано с государственной властью.

Гласный независимый суд также мешал самодержавию. Суд присяжных решено было сохранить, однако из его компетенции были выведены все политически окрашенные процессы. Кроме того, образовательный и имущественный ценз присяжных был повышен, что позволило исключить из их состава крестьян и городской низший класс. Несменяемость судей фактически исчезла. По требованию конкретный судебный процесс мог быть объявлен закрытым. Почти по всей стране были упразднены мировые суды, подрывавшие, по мнению сторонников самодержавия, авторитет власти в глазах народа. Мировой суд в деревне был ликвидирован [16].

В 1882 г. вышли «Временные правила о печати». Система наказаний за неблагонадежные статьи включала предупреждение, запрет на продажу и публикацию рекламы, временную приостановку и полное закрытие [15]. Были закрыты журнал «Отечественные записки», а также газеты «Русский курьер» и

«Голос». Запрещались книги Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, В. Гюго, Г. Ибсена. В течение 1882–1891 гг. была запрещена к театральной постановке треть отечественных пьес без какого-либо судебного разбирательства [19].

Контрреформе подверглась также сфера образования. Автономия университетов, выборы ректоров и деканов были отменены: все кандидаты назначались Министерством образования. Последнее также контролировало и централизованно утверждало учебные программы. Неблагонадежных преподавателей увольняли. Нельзя было поступить в университет без справки о благонадежности. Плата за высшее образование была увеличена в пять раз [20]. Женское высшее образование почти полностью было приостановлено. Власть ставила перед собой задачу укрепить патриархальные ценности [21, с. 628].

Начальные школы переходили в ведение Святейшего Синода. Циркуляр «О сокращении гимназического образования» (1887) рекомендовал при приеме детей в гимназии и прогимназии учитывать платежеспособность их попечителей. Разъясняя смысл этой меры, министр образования И. Д. Делянов писал: «...гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, детям коих, за исключением разве одаренных гениальными способностями, вовсе не следует стремиться к среднему и высшему образованию» [22]. Плата за обучение была резко повышена. Большинство детей теперь могли идти только в церковно-приходскую школу, где их учили читать и считать, а также им преподавали закон Божий. Но и этих школ не хватало на всю страну. Согласно переписи 1897 г. было выявлено, что 79% россиян неграмотны [23].

Следствием таких реформ стало усиление упоминавшихся выше межсловенных барьеров. Чтобы крестьяне почувствовали отеческую заботу государства, выкупные платежи за землю были снижены, а времененная обязанность и подушная подать отменены. Открылся Крестьянский банк, выдававший ссуды для приобретения земли. Однако крестьянам запрещалось требовать выделения земли от об-

щинного землевладения [24]. Крестьяне оставались зависимыми от власти общины. Эта зависимость осложняла переход к личному хозяйству, снижала мобильность. Соответственно, не происходило перехода крестьян в средний класс (что и было целью власти).

Правительство попыталось облегчить также жизнь рабочих. Появилось фабричное законодательство, запрещавшее ночную работу для женщин и детей и сокращавшее рабочий день несовершеннолетних. Заработка плата должна была выдаваться не реже 2-х раз в месяц, и из нее запрещались вычеты за медицинскую помощь и освещение мастерских. Запрещалась оплата бартером. Рабочие могли расторгнуть договор найма при неполучении зарплаты, побоях и оскорблении, нарушении снабжения. Фабриканты были обязаны выдавать рабочим расчетную книжку с записью об условиях найма. Закон устанавливал предел штрафов в 1/3 от зарплаты. Штрафы шли не фабриканту, а в фонд нужд рабочих. Были созданы губернские присутствия, функцией которых являлся надзор за условиями труда и найма, что ограничивало деятельность промышленников, а также предотвращало возникновение стачек. За подстрекательство к стачке тюремный срок составлял 8 месяцев, за участие — 4 месяца. Согласно закону наниматели обязаны были отбирать паспорта и виды жительства рабочих до окончания срока найма [17; 24]. Такие меры вызвали недовольство не только рабочих, но и предпринимателей [25].

Частью государственной политики этого времени, направленной на укрепление стабильности, был выраженный национализм, что проявлялось в стремлении к гомогенному обществу, приобретавшему авторитарные признаки [26]. Российское общество конца XIX в. состояло из представителей разных национальностей и вероисповеданий, однако некоторые из них не хотели находиться под властью Российской империи. Чтобы избежать сепаратистских настроений, нужна была сильная центральная власть. Поэтому многие народы насильно подвергались христианизации, христиан не православного толка пытались заставить перейти в православие,

запрещалось преподавание в школах на национальных языках [27].

Стали более жестко соблюдаться законы о евреях. Последним было предписано жить в черте оседлости, устанавливалась процентная норма евреев в средних и высших учебных заведениях [28]. Государственный национально-православный настрой приводил к тому, что только православный мог считаться истинно русским, и только истинно русский — православным. В этих категориях измерялась политическая благонадежность [29, с. 55].

Несмотря на общественно-политические изменения, в стране наблюдался экономический рост. У крестьян появились деньги на развитие аграрного производства и другие расходы [30, с. 354–366]. Часть помещиков, приспособившихся к новой реальности, и часть крестьян модернизировали производство: покупали сельскохозяйственную технику и удобрения, стали использовать наемный труд. В селе начали появляться фермеры, прозванные в народе «кулаками». Продажа излишков зерна и система налогов, прикрепленная к сбору урожая, привели к тому, что в селе, где преобладало натуральное хозяйство, появились товарно-денежные отношения. Мировое падение цен заставило производителей диверсифицировать хозяйственную деятельность и начать развивать животноводство, а также возделывание льна и сахарной свеклы. Сельское хозяйство приспособилось к условиям рыночной экономики.

Серьезно наращивала рост крупная промышленность. Это стало возможным благодаря появлению рынка рабочей силы, наличию частных капиталов, достижениям технического прогресса. В стране появились индустриальные регионы, где росло городское население, что меняло социальные пропорции. Активно развивались железнодорожные коммуникации, значительно удешевлявшие и ускорявшие доставку грузов. Развитие железнодорожных дорог стимулировало развитие торговли. Оборот внутренней торговли возрос в 5 раз, по всей стране открывались миллионы магазинов [31].

При этом ужесточилось законодательство в отношении коррупции. За принятие взятки

назначался тюремный срок не менее полугода. Запрещалось совмещение государственной службы с участием в торговых и промышленных компаниях. Немаловажную роль в этом сыграло и становление гражданского общества: теперь коррупционному чиновнику грозила не только потеря должности, но и общественное осуждение. В стране появились высшие чиновники, имевшие репутацию людей, не бравших взятки [32].

Принятые правительством социальные и экономические меры отразились на условиях жизни населения, на его численности, социальной мобильности, миграционных процессах. Произошел значительный демографический прирост, как за счет рождаемости, так и за счет появления земских врачей и больниц. На 13% увеличилась доля городского населения за счет крестьян, пытавшихся трудоустроиться в городе [33]. Крестьянское сословие уменьшилось и стало распадаться на разные социальные страты. Многие поехали в город и стали рабочими, прислугой. Оставшиеся в деревне оказались в разных условиях зависимости от плодородности земли. В черноземных районах стали появляться за jakiотные крестьяне.

Получив личную свободу, крестьянин сам решал, как и сколько ему работать, в ведении хозяйства начали проявляться индивидуальные различия. В результате произошло деление на кулаков, середняков и бедняков. Кулаки покупали новую землю, инвентарь, технику. В конце XIX в. кулаки владели от одной трети до половины земельных угодий и скота. Бедняки вынуждены были наниматься к ним на работу. Основную массу составляли середняки.

Социальное расслоение тормозилось общиной, мешавшей приватизации земли и рассматривавшей землю как коллективную собственность. Фактически, община мешала появлению фермерского класса. Община коллективно отвечала за налоги, а это значит, что наиболее активные и предприимчивые члены общин вынуждены были вкладываться в общий фонд, компенсируя низкие доходы других [34]. Сельская буржуазия появилась главным образом там, где была наиболее пло-

дородная земля, где часто не было общин. Наделы были собственностью таких крестьян, они могли продавать их или передавать по наследству, в такие земли вкладывали деньги, поддерживая плодородие. Из крестьян выделялся средний класс.

Несмотря на заинтересованность государства сохранить дворянство, это сословие исчезало. Многие помещики после отмены крепостного права не смогли справиться с хозяйством, стали закладывать имения и продавать землю кулакам. Дворяне получали профессии и становились государственными служащими, предпринимателями, представителями работающей интеллигенции и др.

До индустриального бума большинство рабочих оставались крестьянами, приезжавшими на заработки во время, свободное от покоса, посева и сбора урожая. Теперь, приобретая профессиональные навыки, все больше крестьян начало оставаться в городах. Согласно статистике городской пролетариат в конце XIX в. составлял около 10 млн человек вместе с членами семей; приблизительно столько же было пролетариев, живших батрачеством [33].

Таким образом, в эпоху правления Александра III государством осуществлялись как позитивные, так и негативные для общества и отдельных социальных групп реформы. С одной стороны, обеспечивался экономический рост и развитие индивидуального найма и предпринимательства, а с другой — граждане ограничивались в правах на образование, высказывание своего мнения, независимый суд. Эти предпосылки сформировали определенное содержание массового сознания российского общества, которое реализовывалось в конкретном массовом поведении — общественно-политической активности.

Психологические характеристики массового сознания российского общества в эпоху правления Александра III

Когнитивная сфера. В массовом сознании населения наиболее ярко отражались социальные представления и отношение к различным социальным явлениям и группам. Одним из таких компонентов массового сознания общества можно обозначить *отношение к го-*

сударству и праву. Государственный строй и законы воспринимались крестьянами с позиции здравого смысла или обычая. Категория собственности крестьянами приравнивалась пользованию или владению. Собственностью (своей и чужой) было то, что необходимо для заработка на хлеб, а все остальное можно было заимствовать, если, по мнению крестьян, владелец в этом не нуждался (например, дрова из частного леса). Адвокаты воспринимались как «лихоимствующие» чиновники, так как брали деньги за помощь [35]. Крестьяне были не в состоянии разобраться в абстрактных принципах права или государственного управления. Вследствие этого авторитарный строй был наиболее подходящим для этого класса.

Другой характеристикой представлений граждан была *ориентация на колLECTивизм*. В когнитивной сфере сознания крестьян находилось представление об их сильной связи с общиной, нивелировавшей личные симпатии и антипатии, а также тормозившей развитие индивидуального самосознания и личности. Внешний мир при таком восприятии состоял из общины, православных людей в целом и иноземцев. Скудные жизненные условия, преобладавшая безграмотность, малый выбор жизненных перспектив, несвобода в общине продолжали поддерживать определенное мировосприятие, не давая развиваться чувству собственного достоинства. И. Игнатович писала, что, если волостной суд признавал крестьянина виновным и предоставлял выбор между штрафом и поркой, большинство крестьян выбирало порку [36].

Важно также обратить внимание на *идеалы справедливости* в мировоззрении российского общества того времени. Когда в 1870-е гг. социалисты пошли в народ, надеясь поднять его против несправедливости, они обнаружили полное равнодушие крестьян к своим призывам. Вопрос был не в том, что крестьяне не признавали эксплуатацию как таковую, а в том, что они хотели поменяться местами с эксплуататорами. А. Н. Энгельгардт писал, что в крестьянской среде царят кулаческие идеалы. Каждый крестьянин, если позволяют обстоятельства, будет эксплуатировать

хоть другого крестьянина, хоть барина [37, с. 448–450]. М. Горький, описывая крестьян, приводил используемые ими присказки и поговорки: «мужик не глуп, да — мир дурак»; «мир силен, как вода, да глуп, как свинья»; «не бойся чертей, бойся людей»; «бей своих — чужие бояться будут»; «правдой сыт не будешь»; «что в том, что ложь, коли съто живешь»; «правдивый, как дурак, тоже вреден» [38]. Анализируя эти поговорки, можно предположить, что для крестьян своими были семья, община, деревня, а все остальные — чужими, к которым идеалы не применялись. Социалисты, обращавшиеся к крестьянам, воспринимались последними как чужие. Крестьяне не были готовы вступать в позитивные неличные отношения, а попытки принуждения их к этому встречали сопротивление.

Активно также обсуждалась *националистическая политика* правительства, что приводило к еврейским погромам. Официально они были запрещены, но часто местные власти смотрели на эти акты насилия достаточно снисходительно. Погромы 1881–1882 гг. происходили на почве убийства Александра II, так как люди были уверены, что именно евреи убили царя. В 1890-е гг. погромы возобновились. Более того, некоторые историки считают, что эти погромы либо игнорировались властями, либо даже поддерживались ими [39, с. 89–90.]. На деле это было не так, но антиеврейские законы, публикации некоторых СМИ, попустительство местных властей по отношению к погромщикам создавали соответствующую атмосферу [40]. С. Г. Лозинский писал, что у народа сложилось убеждение, что если погром и грабеж направлены против евреев, то они окажутся безнаказанными [41]. Этот же автор в своей работе подробно объяснял, что недоброжелательное отношение к евреям среди крестьянства было обусловлено тем, что помещики часто нанимали евреев в качестве приказчиков.

Наконец, рассмотрим отношение российского общества к *религии*. Крестьяне были набожны, они посещали службы и соблюдали посты, так как религия обещала за это спасение души. Библию крестьяне не знали, а их религиозное поведение проявлялось

в соблюдении обрядов, при помощи которых, по их мнению, можно было попасть в царствие небесное. К другим религиозным представлениям относилось признание царя представителем Бога на земле. Царь был дан Господом, чтобы повелевать и заботиться о крестьянах. Все хорошее было от царя, а плохое — от помещиков и чиновников, либо от Божьего провидения. Такое мировосприятие крестьян сближало его с монархическим. До реформы 1861 г. монархические настроения поддерживались верой в то, что царь хочет отдать крестьянам землю, а помещики этому препятствуют. Соответственно, отмена крепостного права укрепила крестьян в таком убеждении. Это обеспечивало преданность крестьян царю.

Таким образом, когнитивная сфера массового сознания российского общества состояла из институциональных, националистических и религиозных представлений. Наиболее активная коммуникативная (общественно-политическая) деятельность граждан вызывалась националистическими факторами.

Потребностная сфера. Существенным образом изменилась сфера потребностей российского общества. В первую очередь это выражалось в его *экономическом поведении*. В 1880-е гг. появилось поколение, не знавшее крепостничества. Одновременно с этим происходили экономические изменения в деревне. Условия жизни улучшились, начался демографический рост. Отток крестьян в город частично препятствовала община. Аграрный кризис заставлял продавать больше зерна, чтобы получать прежние доходы. Возросшие в 1870-е гг. доходы вызвали быстрое привыкание к новым условиям жизни. Молодежь, не знавшая крепостничества и привыкшая к иным условиям, считала, что проблемой возникших тягот является община и ее старейшина. В 1880-е гг. увеличилось число семейных разделов. Крестьяне не хотели ни жить с родителями, ни работать вместе [42]. Аграрное перенаселение, появление товарно-денежных отношений в деревне, зависимость от внеаграрных доходов являлись факторами, стимулировавшими миграцию, которой противилась община. Социальные противоречия

на селе нарастили, а важной потребностью молодежи становилось избавление от власти старейшины [43].

Другим потребностным признаком массового сознания была *политическая активность*. Власть общины теперь оказывала меньше влияния, что ослабляло стабилизировавший фактор деревенской жизни и усиливало анархические склонности крестьян [34]. Политическую активность проявляли рабочие. Выше упоминалось, что правительство запрещало рабочим создавать легальные объединения (профсоюзы) с целью улучшения экономических и трудовых условий. Помимо крайне низких зарплат, рабочие сталкивались с полным бесправием, когда фабриканты обходились с ними как с крепостными [44]. Первые волнения рабочих начались в 1860-е гг., а в 1880-е гг. они происходили все чаще. В 1885 г. возникла стачка из-за понижения зарплаты и штрафов на Никольской текстильной мануфактуре. В стачке участвовало около 2/3 рабочих. Действия их были согласованы, что сильно обеспокоило власть. Были высланы солдаты, но толпа не разошлась и выдвинула требование ограничить произвол руководства. Стачка сильно напугала правительство [45].

В 1883 г. появился один из первых рабочих кружков — «Партия русских социал-демократов» (группа Д. Благоева), которая сформулировала цели и идеи оппозиционного движения — отмену частного землевладения, переход фабрик и заводов рабочим ассоциациям, введение прогрессивного подоходного налога, федерализм, бесплатное начальное образование, свободу слов и собраний, парламентаризм [46]. Организовывались кружки самообразования, кассы взаимопомощи. Движение стало распространяться из столиц в провинцию.

Агитационная деятельность, сфокусированная на городском пролетариате, оказалась более эффективной, чем с крестьянством. Рабочие находились в условиях полной неопределенности в связи с тем, что не понимали, когда и в каком размере заводчик выдаст зарплату, сколько из нее будет вычтено за кредиты в фабричных лавках. Люди были

унижены и бесправны. При этом они жили скученно, в отличие от крестьян, т. е. могли обсуждать между собой идеи, услышанные от агитаторов.

Еще одной потребностью людей стало *образование*. Вечерние и воскресные школы, публичные и городские библиотеки, кружки, публичные чтения получали все большее распространение, что вызывало озабоченность властей. В 1890 г. Министерство внутренних дел даже издало «Правила о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора за ними», ограничивая подбор литературы изданиями нравственно-воспитательного характера. Количество рабочих, посещавших народные чтения, росло. В организацию народных чтений входило также обеспечение развлечений. Помимо классической литературы (Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого и др.), большой интерес публики вызывали музыкальные номера. Самое удивительное, что в Лесном обществе народных развлечений с посетителями взималась плата за вход, а предлагаемый репертуар существенным образом отличался от вышеперечисленного, включая лекции на темы конституции, рабочего вопроса, доходов и расходов государства [47]. Люди, страдавшие от полуоголодного существования, готовы были платить деньги за то, чтобы разобраться с тем, почему так происходит. Потребность в обучении становилась самостоятельной ценностью.

Таким образом, в потребностной сфере массового сознания российского общества присутствовали экономические, политические и образовательные ориентации. Наиболее выраженное массовое поведение граждан относилось к развитию экономических возможностей и организации политических движений.

Эмоциональная сфера. Отношение российского общества к общественным событиям выражалось в бытовой и политической сферах. В *повседневной жизни* люди переживали уныние от условий жизни, что проявлялось, например, в злоупотреблении алкоголем в рабочей среде, связанное с изнурительными условиями труда и тяжелым материальным положением [47].

Политическая активность граждан обусловливалась недовольством государственным строем и выражалась в организации радикальных движений, например, социализма. Политическая борьба в России в эпоху правления Александра III возникла во имя абстрактных идеалов. Интеллигенция, сделавшая выбор в пользу радикализма, стала интерпретировать любые внешние события и ситуации в соответствии со своим субъективным восприятием государственного строя и сформировала выраженный запрос на демократические реформы и борьбу с государственными институтами [19; 48].

Кроме того, происходило ослабление влияния религии и церкви, чье место в сознании и ценностях заняла идеология социализма. В результате массовое сознание было представлено тремя идеологическими направлениями: государственники, либералы, социалисты. Государственники считали, что общество нуждается в твердой руке, без которой в стране возникнет хаос. Но даже среди государственников формировалась оппозиция правительству, которое считало, что последнее проводит недостаточно жесткую политику. Либералы были убеждены, что общество, если предоставить ему свободу, само сможет выстроить собственное благополучие. Марксисты-социалисты считали, что достаточно всех уравнять и строго соблюдать законы общежития. Идеология самодержавия отступала.

Таким образом, эмоциональная сфера массового сознания российского общества была связана с трудовой деятельностью и идеологией. Политическая активность становилась радикальной и подкреплялась недовольством разных социальных групп.

Заключение

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что массовое сознание российского общества в эпоху правления Александра III имело *противоречивое содержание*. С одной стороны, сделанные ранее Александром II реформы уже изменили общество; прежние тенденции в сфере экономики продолжили свое активное развитие. С другой стороны, убийство царя и

активная общественно-политическая деятельность отдельных социальных групп вызывали опасение у правительства, в связи с чем предпринимались ограничивающие меры в сфере права, образования, национального вопроса.

В массовом сознании граждан преобладала потребностная сфера: полученные в период правления Александра II права и свободы общество стремилось расширять, особенно в экономической области. Направленность на улучшение своего благополучия стимулировала политическую активность крестьян и рабочих, которые преследовали свои интересы. Когнитивное содержание массового со-

знания выполняло функцию отнесения себя к какой-либо социальной группе и отделения от других, что также проявлялось в общественно-политической деятельности, однако негативного характера — националистических погромах. Эмоциональная сфера была представлена отношением населения к труду и идеологическим лозунгам появлявшихся политических движений.

Массовое поведение (коммуникативная составляющая массового сознания) российского общества преимущественно обусловливалось их экономическими мотивами и негативным отношением к ожесточавшимся государственным мерам.

Список источников

1. Журавлев А. Л., Соснин В. А., Китова Д. А., Нестик Т. А., Юревич А. В. Массовое сознание и поведение: монография. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 424 с.
2. Аксенов В. Б. Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914–1917 годах: архетипы, слухи, интерпретации // Российская история. 2012. № 4. С. 137–145.
3. Горкунова О. С. Массовое историческое сознание россиян рубежа XX–XXI вв. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2014. № 2 (139). С. 68–75.
4. Буганов А. В. Выдающиеся личности и события в массовом сознании русских крестьян XIX–XX в.: автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.07. М., 2011. 66 с.
5. Журавлев А. Л., Китова Д. А. Социально-психологический анализ образа Петра I (По материалам научной электронной библиотеки) // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 6. С. 57–68.
6. Никольская А. В., Костригин А. А. Массовое сознание в годы правления Михаила Федоровича и Алексея Михайловича // Научное мнение. 2024. № 3. С. 30–41.
7. Никольская А. В., Костригин А. А. Взаимодействие общества и власти в эпоху правления Александра II: психолого-исторический и коммуникативный анализ // Университетский научный журнал. 2025. № 85. С. 47–59.
8. Чуприкова Н. И. Функциональная система психики. Филогенетические истоки и сознание человека // Психологические исследования. 2009. Т. 2. № 4. С. 3.
9. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Московский философский фонд, 1995. 323 с.
10. Gerbner G. Mass media and human communication theory // Sociology of Mass Communications / Ed. D. McQuail. Harmondsworth: Penguin, 1972. P. 35–58.
11. Историческая психология: предмет, структура и методы / Под общ. ред. А. А. Королева. М.: МосГУ, 2004. 168 с.
12. Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 629 с.
13. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е. Т. 1. СПб.: Гос. тип., 1885. 623 с.

14. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е. Т. 9. СПб.: Гос. тип., 1891. 720 с.
15. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е. Т. 2. СПб.: Гос. тип., 1886. 1139 с.
16. *Захарова Л. Г.* Земская контрреформа 1890 г. М.: Изд-во МГУ, 1968. 178 с.
17. История России с начала XVIII до конца XIX века / Под ред. А.Н. Сахарова). М.: АСТ-ЛТД, 1997, 544 с.
18. Письма Победоносцева к Александру III. В 2-х тт. Т. 1. М.: Новая Москва, 1925. 448 с.
19. *Толмачев Е. П.* Александр III и его время. М.: Терра-Книжный клуб, 2007. 720 с.
20. Уставы Московского университета, 1755–2005. М.: Империум Пресс, 2005. 479 с.
21. *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. 650 с.
22. *Делянов И.* Доклад «О сокращении гимназического образования». 1887. URL: <https://clck.ru/3Nsj5s> (дата обращения: 12.08.2025).
23. *Сапрыкин Д. Л.* Образовательный потенциал Российской Империи. М.: ИИЕТ РАН, 2009. 174 с.
24. *Зайончковский П. А.* Отмена крепостного права в России. М.: Просвещение, 1968. 368 с.
25. *Куприянова Л. В.* «Рабочий вопрос» в России во второй половине XIX — начале XX века. 2000. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labour/Article/Kupriyanova.htm> (дата обращения: 12.08.2025).
26. *Нестерова Т. П.* К вопросу о гомогенном обществе: исторический опыт тоталитарных режимов и современная демократия // Научный диалог. 2014. № 5 (29). С. 60–67.
27. *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970. 442 с.
28. *Штеренихис М.* Евреи: история нации. Герцлия: Иерадон, 2008. 560 с.
29. *Волконский С. М.* Мои воспоминания. В 2-х тт. Т. 2. М.: Искусство. 1992. 381 с.
30. *Тебиев Б. К.* Россия на перепутье эпох. Избранные социально-экономические исследования и статьи. В 4-х тт. Т. 1. М.: МРСЭИ, 2021. 682 с.
31. *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003. 253 с.
32. *Вородюхин С. Е.* Развитие законодательства о противодействии коррупции в Российской империи в XIX в. // Научный вестник Крыма. 2017. № 5 (10). С. 1–6.
33. *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). М.: Госстатиздат, 1956. 350 с.
34. *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. 2012. М.: Захаров, 2012. 480 с.
35. *Пахман С. В.* Обычное гражданское право в России. В 2-х тт. Т. 1. Собственность, обязательства и средства судебного охранения. СПб., 1877. 447 с.
36. *Игнатович И.* На другой день после «освобождения»: [1861–63 гг.]. М.: Изд-во Всес. об-ва политкаторжан и сс.-поселенцев, 1931. 99 с.
37. *Энгельгардт А. Н.* Письма из деревни. М.: Алгоритм, 2010. 558 с.
38. *Горький М.* О русском крестьянстве. Берлин: Ладыжников, 1922. 44 с.
39. *Лакер В.* История сионизма. М.: Крон-пресс, 2000. 842 с.
40. *Будницкий О.В.* Российские евреи между белыми и красными (1917–1920). М.: РОССПЭН, 2005. 552 с.
41. *Лозинский С. Г.* Социальные корни антисемитизма в средние века и в новое время. М.: Атеист, 1929. 208 с.
42. *Шанин Т.* Неудобный класс. Политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910–1925. М.: Дело, 2019. 408 с.
43. *Веременко В. А.* Российская семья второй половины XIX — начала XX в.: этапы модернизации // XX юбилейные Царскосельские чтения: материалы международной научной

конференции, Санкт-Петербург, 20–21 апреля 2016 года. Т. 1. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2016. С. 25–30.

44. Куринова И. А. Рабочий вопрос и разработка фабричного законодательства в России в середине XIX — начале XX веков: дис. .... канд. истор. наук: 07.00.02. М., 1997. 195 с.

45. Пыжиков А. В. Границы русского раскола. Заметки о нашей истории от XVII века до 1917 года. М.: Древлехранилище, 2013. 646 с.

46. Костин А. Ф. От народничества к марксизму. М.: Высшая школа, 1967. 124 с.

47. Федыкин А. В. Повседневная жизнь рабочих Санкт-Петербурга в конце XIX — начале XX века. Дис. .... канд. истор. наук: 5.6.1. СПб., 2021. 274 с.

48. Троицкий Н. Россия в XIX веке: Курс лекций. М.: Высш. шк., 1997. 431 с.

Статья поступила в редакцию 01.09.2025; одобрена после рецензирования 20.10.2025; принята к публикации 22.10.2025.

The article was submitted 01.09.2025; approved after reviewing 20.10.2025; accepted for publication 22.10.2025.

Информация об авторах:

А. В. Никольская — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии;

А. А. Костригин — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии.

Information about the Authors:

A. V. Nikolskaya — Candidate of Sciences (Psychology), associate professor at the Department of Psychology;

A. A. Kostrigin — Candidate of Sciences (Psychology), associate professor at the Department of Psychology.